

ТРУД РЕДАКТОРА В ИЗОБРАЖЕНИИ К. Г. ПАУСТОВСКОГО: ИНТЕГРАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Т. И. Шамякина¹⁾, Т. А. Морозова²⁾

¹⁾ Доктор филологических наук, профессор,

г. Минск, Беларусь,

shamyakinas@gmail.com;

²⁾ Кандидат филологических наук, доцент,

Белорусский государственный университет,

пр-т Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,

morota2012@yandex.ru

В статье раскрываются особенности труда редактора, выявленные на основе анализа работ по редакторскому делу известного русского писателя К. Г. Паустовского. Выявлены уровни интеграции художественного и редакторского в его произведениях. Из советов Константина Георгиевича каждый литератор может вынести много полезного для себя. Его рекомендации следует знать и студентам, обучающимся по специальности «Литературно-редакционная деятельность».

Ключевые слова: редакторское дело; К. Г. Паустовский; уровни интеграции художественного и редакторского.

ПРАЦА РЭДАКТАРА Ў АДЛЮСТРАВАННІ К. Г. ПАЎСТОЎСКАГА: ІНТЭГРАЦЫЙНЫ АСПЕКТ

Т. И. Шамякина¹⁾, Т. А. Морозова²⁾

¹⁾ Доктар філалагічных наук, прафесар,

г. Мінск, Беларусь,

shamyakinas@gmail.com;

²⁾ Кандыдат філалагічных наук, дацэнт,

Беларускі дзяржавны ўніверсітэт,

пр-т Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь,

morota2012@yandex.ru

У артыкуле раскрываюцца асаблівасці працы рэдактара, выяўленыя на аснове аналізу прац па рэдактарскай справе вядомага рускага пісьменніка К. Г. Паўстоўска-га. Выяўлены ўзоруні інтэграцыі мастацкага і рэдактарскага ў яго творах. З парад Констанціна Георгіевіча кожны літаратар можа вынесці шмат карыснага для сябе. Яго рэкамендацыі трэба ведаць і студэнтам, якія навучаюцца па спецыяльнасці «Літаратурна-рэдакцыйная дзейнасць».

Ключавыя слова: рэдактарская справа; К. Г. Паўстоўскі; узоруні інтэграцыі ма-стакага і рэдактарскага.

THE WORK OF THE EDITOR AS PORTRAYED BY K. G. PAUSTOVSKY: THE INTEGRATION ASPECT

T. I. Shamyakina¹⁾, T. A. Morozova²⁾

¹⁾ *Hab. PhD, Professor,
Minsk, Belarus,*

shamyakinas@gmail.com;

²⁾ *PhD, Ass. Professor,*

Belarusian State University,

4 Independence Ave., 220030, Minsk, Belarus,

morota2012@yandex.ru

The article reveals the features of the editor's work, identified on the basis of the analysis of the works on editorial work of the famous Russian writer K. G. Paustovsky. The levels of integration of fiction and editorial in his works are revealed. Every writer can get a lot of useful information from Konstantin Georgievich's advice. His recommendations should also be known to students studying in the specialty «Literary and editorial activity».

Keywords: editorial work; K. G. Paustovsky; levels of integration of fiction and editorial.

Константин Георгиевич Паустовский (1892 – 1968) начал писать художественные произведения еще будучи гимназистом. Причем первый его рассказ был навеян впечатлениями от белорусского Полесья. Разные жизненные обстоятельства на довольно продолжительное время прервали литературное творчество К. Паустовского. Он служил военным санитаром в период Первой мировой войны, потом, в годы бурных исторических катаклизмов, поменял много профессий, но все же готовил себя к писательству. Все 1920-е годы он работал в разных периодических изданиях в Одессе, Батуме, Москве. Он называл себя журналистом, но был, безусловно, литературным редактором. Сам он писал о своей редакторской деятельности: «Я правил весь день статьи, телеграммы и заметки. Правил до изнеможения, до того, что у меня начинала тупо болеть рука. Примерно половину заметок приходилось мне самому переписывать заново, чтобы убрать из них неистребимый одесско-молдаванский стиль. В конце концов я полюбил правку. Ее навыки очень помогли мне в работе над своими рукописями. Я был секретарем редакции, иными словами, должен был делать все: отправки и раздачи заданий репортерам до приема авторов и прекращения молниеносных скандалов, возникавших между молодыми и старыми репортерами» [1, с. 99]. Кроме того, он верстал почти каждый номер газеты.

Работа редактора – это завершение подготовки созданной писателем рукописи к печати. Редактирование «включает в себя внесение необходимых фактических и стилевых корректив (с согласия автора). Степень редакторского вмешательства в текст рукописи зависит от ее характера, жанра, уровня готовности, мастерства и таланта автора. Процесс редактирования, начинающийся с внимательного чтения, носит творческий характер. Важнейшим элементом редактирования является правка, связанная с устранением погрешностей, неясностей, ошибок, стилевых и языковых неточностей, повторений, с унификацией понятий, собственных имен» [2, с. 866] Как видно из высказываний К. Паустовского, в газетной работе ему приходилось иногда просто-таки переписывать рукописи, исправляя ошибки и небрежности нерадивых авторов. Отсюда понятно, что задача редактора чрезвычайно ответственна.

Больше, чем К. Паустовский, о труде редакторов не рассказал никто из русских писателей. Тема необычна, поскольку редакторская работа – это пребывание вне рукописи, так как редактор получает ее в готовом виде, и одновременно внутри нее – благодаря скрупулёзному изучению. Причем чем большее проникновение (интеграция) в текст, тем более положителен, весомее результат. Многие писатели были благодарны своим редакторам за исключительное внимание к их произведениям. Таким образом, интеграция заключается в самом обращении редактора к рукописи, стремлении овладеть ею в целях улучшения. Однако это первый уровень интеграции.

К. Паустовский вспоминал о редакторском труде в нескольких своих произведениях. Наиболее полно – в повести «Время больших ожиданий» из обширного цикла «Повестей о жизни». Данная эпопея автобиографична, хотя это – художественное произведение, созданное по канонам романного жанра. Однако именно те страницы, которые описывают редакторскую деятельность героя, – наиболее автобиографичны и при этом чрезвычайно познавательны.

Повесть «Время больших ожиданий» посвящена пребыванию Паустовского в Одессе в 1920 – 1921 годах, где постоянно менялась власть, город блокировался интервентами, но, в конце концов, установилось большевистское правление. Время голодное и холодное. Однако работа в газете «Моряк» так увлекала К. Паустовского, что он вспоминает пребывание в Одессе как свои счастливые годы. Газету «Моряк» выпускал Союз моряков, причем она была рассчитана как на отечественных моряков, так и на иностранных. Когда была снята блокада Одессы, часть тиража газеты выходила на иностранных языках. А корреспондентская сеть чрезвычайно обширна: почти на каждом корабле оказывались люди, писавшие в газету.

Второй уровень интеграции в данном произведении – описание газеты и условий работы в ней. До Октябрьской революции «Моряк» была маленькой, запрещенной в империи газетой, которая печаталась в Александрии и нелегально верными людьми доставлялась в Россию. А после революции в газете оставалось много необычного. Скажем, описывалась автором такая странность: «... газета печаталась не на обыкновенной бумаге, а на обороте разноцветных чайных бандеролей. Бумаги в Одессе не было. Во всяком случае, скучных ее запасов хватало только на главную газету – «Одесские известия». Выход «Моряка» был разрешен, но печатать газету оказалось не на чем» [1, с. 82]. Но узнав, что на одесской таможне лежат никому не нужные чайные бандероли, редакция их приспособила для своих нужд. Вообще, как отмечает К. Паустовский, «мы вкладывали в работу много пыла, труда и выдумки. Поэтому лучшим вознаграждением для нас, сотрудников «Моряка», была его популярность, газета расходилась мгновенно. Номера «Моряка» буквально рвали из рук» [1, с. 83].

К. Паустовский пишет о «Моряке» ностальгически-восторженно, постоянно напоминая, какие непростые бытовые условия были в то время в Одессе. А люди работали с неиссякаемым энтузиазмом.

Третий уровень интеграции – описание, внутри второго уровня, сотрудников газеты, причем автор своеобразно манипулирует художественным временем, отмечая прошлое, настоящее, то есть на момент работы в газете, и будущее сотрудников, известное ему. Редактировал газету Евгений Иванов, когда-то работавший в «Русском слове» у Сытина, а это – чрезвычайно популярный до революции издатель, и работа у него как бы знак качества редактора. «Иванов принадлежал к тому типу журналистов, которые разыщут интересный материал даже в сточной канаве или на заседании общества по страхованию мелкого рогатого скота. Он не только умел найти и украсить материал <...>, но даже предвидел его. Он знал, где что искать, и часто догадывался по известным только ему приметам, что может скоро произойти. Точно так же он судил о возможных поступках людей по таким ничтожным признакам, что на них никто, кроме Иванова, не обращал внимания. Он знал, от каких мелочей зависят подчас людские побуждения и поступки» [1, с. 71].

Рассказом о способностях Е. Иванова К. Паустовский подчеркивает, какое важное значение для работы редактора имеет наблюдательность, знание человеческой психологии.

Е. Иванов подбирал сотрудников в газету своеобразно: брал людей трех разных типов. Во-первых, молодых и талантливых, во-вторых, опытных, а в-третьих – явных авантюристов. Несколько экстравагант-

ные поступки самого Е. Иванова, описанные К. Паустовским, объяснялись его фанатической любовью к газете.

Автор обращает внимание и на других колоритных персонажей. Например, работал здесь одесский поэт-фельетонист Ядов. Он прославился, кроме фельетонов, сочинением модных песенок, которые писал едва ли не ежедневно, а на следующий день их уже знала вся Одесса, через месяц-два некоторые из них доходили и до Москвы. К. Паустовский отвлекается и рассказывает об одесских песенках: удивительном явлении, характерном именно для этого колоритного, поэтического города, а затем снова возвращается к Ядову. Через некоторое время Константин Георгиевич встретил его в Батуме (Так тогда назывался этот город). Они обрадовались друг другу и пошли обедать в ресторан. Там оркестр играл одну из популярных песенок Ядова (и даже мы ее знаем): «Купите бублики / Для всей республики! / Гоните рублики / Вы поскорей!» Паустовский рассказал оркестрантам о присутствии в ресторане автора песенки. К Ядову подошли музыканты, приветствовали его, поднялись посетители ресторана, аплодировали автору. Ядов был растроган, однако успел удаститься. И на улице грустно признался К. Паустовскому, что по своему складу он лирик, «да вот не вышло. Вышел хохмач. Никто меня не учил, что во всех случаях надо бешено сопротивляться жизни. Наоборот, мне внушали с самого детства, что следует гнуть перед ней спину. А теперь поздно. Теперь лирика течет мимо меня, как река в половодье, и я могу только любить ее и завистливо любоваться ею издали. Но написать по-настоящему не могу ничего. Легкие мотивчики играют в голове...» [1, с. 88 – 89]. Судьба драматичная и поучительная: талант можно и загубить. Впрочем, как фельетонист Ядов был на высоте.

В Одессе К. Паустовский познакомился и с Василием Регининым. Еще до Октябрьской революции он прославился удивительными поступками. Тогда, как и на постсоветском пространстве в 1990-е годы, возникало множество «желтых» журнальчиков. Между ними росла конкуренция в погоне за читателем. Выдумывались разные приемы, типа конкурса на лучшую гримасу. После этого пошлого конкурса тираж «Синего журнала», где работал молодой В. Регинин, быстро поднялся. Но нужно было придумывать что-то новое, еще более неординарное. «Тогда в петербургских газетах появилось объявление о том, что такого-то числа такого-то месяца во время представления с дикими тиграми в цирке Чинзелли редактор «Синего журнала» Василий Александрович Регинин войдет совершенно один, без дрессировщика и без оружия, в клетку с тиграми, сядет за столик, где будет для него сервирован кофе, не спеша выпьет чашку кофе с пирожным и благополучно выйдет из клетки» [1, с. 90].

В день этого действия цирк был забит людьми до самого купола, наряды конной полиции оцепили здание. И В. Регинин все это совершенно спокойно совершил («Тигры растерялись от такого нахальства»). Уже когда Регинин вышел из клетки, тигры рванулись к ней и стали ее трясти. Женщины падали в обморок. Плакали дети. Цирк ревел от восторга. К. Паустовский не мог поверить в такой авантюризм, но сохранились фотографии.

Во время работы в «Моряке» легкий налет буффонады оставался у Регинина. «Он выражался в шутливости, в любви ко всему броскому, яркому, необыкновенному. После Одессы Регинин переехал в Москву и редактировал там журнал «Тридцать дней», один из интереснейших журналов. Весь свой опыт журналиста Регинин вложил в этом журнал. Он делал его блестящим» [1, с. 91]. Именно он напечатал роман «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова тогда, когда другие журналы от него отказались. Вообще В. Регинина знала вся писательская Москва. Паустовский описывает манеру его работы уже как главного редактора. Таким образом, среди редакторов встречались самые удивительные, но неизменно талантливые личности.

К работе редакторов К. Паустовский обращается и в других своих произведениях. Ему принадлежит уникальная книга о писательском труде – «Золотая роза». Хотя это по существу научно-методическое сочинение (он писал его как своеобразное пособие для студентов своего семинара в Литературном институте), но она читается с огромным интересом. Здесь он рассказывает, как был проучен один небрежный автор – Андрей Соболь. Однажды он принес в «Моряк» свой рассказ, «раздерганный, спутанный, хотя и интересный по теме и, безусловно, талантливый» [3, с. 253]. Редакторы были в смущении: печатать в таком виде рассказ было нельзя, предложить исправить автору невозможно: в этом отношении А. Соболь был неумолим. Выручил старый редакторский работник. Он взял рассказ, обещая не исправлять ни слова, и на утро привнес готовую рукопись. К. Паустовский замечает: «Я прочел рассказ и онемел. Это была прекрасная, литая проза. Все стало выпуклым, ясным. От прежней скомканности и словесного разброда не осталось и тени. При этом действительно не было выброшено или прибавлено ни одного слова» [3, с. 256]. А редактор всего только аккуратно расставил знаки препинания и обозначил абзацы. Сам А. Соболь был в восторге от такой редакторской правки.

Кроме правки редактора, есть и самоправка. Собственно, без нее не обходится ни один уважающий себя писатель. «Перед отправкой рукописи в издательство писатель может вносить разное количество правок:

все зависит от темперамента автора и практических соображений. Флобер известен своим дотошным вниманием к каждому слову. Говорят, он писал пять слов в час. Он работал над «Мадам Бовари» почти пять лет, переписывал одну страницу по двадцать раз, а одну из сцен – пятьдесят два раза» [4, с. 217]. Случай с Флобером, конечно, крайность, однако и другие классики по многу раз правили, переписывали свои произведения (например, Лев Толстой «Войну и мир» – восемь раз).

В «Повестях о жизни» К. Паустовский повествует о манере работы Исаака Бабеля, своего друга. Здесь в текст повествователя вклинивается, интегрируется рассказ самого Бабеля, введенный в общий контекст повести «Время больших ожиданий» (четвертый уровень интеграции).

И. Бабель честно признавался, что совершенно не обладает воображением, придумывать сюжетные коллизии не в состоянии, увлекает читателей исключительно стилем. Действительно, стиль Бабеля удивительно своеобразен, ярок, сочен.

Первоначально любой рассказ представляет у него несколько более или менее удачных кусков. А далее слова самого писателя: «Я проверяю фразу за фразой, и не единожды, а по нескольку раз. Прежде всего я выбрасываю из фразы все лишние слова. Нужен острый глаз, потому что язык ловко прячет свой мусор, повторения, синонимы, просто бессмыслицы и все время старается как будто нас перехитрить» [1, с. 138].

Далее И. Бабель перепечатывал рассказ на машинке и давал ему некоторое время полежать. Снова правил. А потом: «Когда мусор выброшен, я проверяю свежесть и точность всех образов, сравнений, метафор. Если нет точного сравнения, то лучше не брать никакого. Пусть существительное живет само в своей простоте» [1, с. 138].

Писатель разбивал произведение на абзацы и на довольно короткие фразы. «Побольше точек!.. Каждая фраза – она мысль, один образ, не больше. Поэтому не бойтесь точек... Я стараюсь изгнать из рукописи причастия и деепричастия и оставляю только самые необходимые. Причастия делают речь угловатой, громоздкой и разрушают мелодию языка... Деепричастие все же легче, чем причастие. Иногда оно сообщает языку даже некоторую крылатость. Но злоупотребление им делает язык бескостным, мяукающим. Я считаю, что существительное требует только одного прилагательного. Два прилагательных к одному существительному может позволить себе только гений» [1, с. 138 – 139].

В сущности, правила правки, установленные для себя И. Бабелем, универсальны, подходят для любого автора. Им следовал и сам Паустовский – это легко замечается в его произведениях.

Рассказ-исследование К. Паустовского о работе редактора во всех ее аспектах имеет и теоретический интерес, и практический. Из советов Константина Георгиевича каждый литератор может вынести много полезного для себя. Его рекомендации следует знать и студентам, обучающимся по специальности «Литературно-редакционная деятельность».

Библиографические ссылки

1. *Паустовский К. Г.* Собрание сочинений. В 9 т. Т.5. Повесть о жизни, кн 4–6. - М.: Худож. лит., 1982.
2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001.
3. *Паустовский К. Г.* Собрание сочинений. В 9 т. Т.3. Повести. М.: Худож. лит., 1982.
4. *Рассел Генри.* Главное в истории литературы. Ключевые произведения, темы, приемы, жанры / пер. с анг. Ю. Змеевой. Москва, Мани, Иванов и Фербер, 2022.